

ВЕСЕЛО, ЖИЗНЕРАДОСТНО

НАШЕ первое свидание с Будапештским театром оперетты произошло тринадцать лет назад.

В памяти сохранился искрящийся задором, молодой проницей, полной динамики и подлинной танцевальности спектакль «Сильва». От Кальмана там осталась его музыка. А пьеса оказалась новой. В ней Сильва былых времен с доброй и лукавой усмешкой взирала на молодую поросль актеров и актрис, которым, как когда-то ей, ныне доводилось стяжать славу и жить в полную меру чувств. А ведь когда-то... Ханна Хонти и Камил Фелеки с блеском показали нам, что было «когда-то». Мы запомнили и навсегда полюбили замечательную венгерскую артистку Хонти и ее партнеров, выдающихся мастеров трудного «легкого» искусства — Фелеки. Кальмана Латабара, Роберта Ратони, даровитый коллектив будапештских актеров.

И вот новая встреча.

На сей раз венгерские гости привели нам не Кальмана, а Йоганна Штрауса. «Ночь в Венеции» — одно из наиболее значительных произведений короля венского вальса. Оно, правда, уступает по органичности слава всех своих элементов такому удивительному созданию Штрауса, как «Летучая мышь». Но среди 16 оперетт, написанных им, «Ночь в Венеции» остается неувядающей и по сей день. Интересно отметить: первое воплощение этой оперетты, состоявшееся в Берлине в 1883 году, привело к провалу. Публика оказалась равнодушной к итальянскому колориту вещи. Она ждала от автора «Летучей мыши» — Вену, а ей преподнесли Венецию. Так случается нередко. Последующая судьба этого произведения доказала, что неудача в Берлине, остро ранившая композитора, была лишь случайностью: вынесенный тогда приговор был отменен в последующие времена. И вспоминается, в частности, большой успех «Ночи в Венеции» в Ленинграде, в начале тридцатых годов. Он был закономерен.

Венские опереточные композиторы нередко обращались к народной музыке Италии. Так было с «Боккаччо» Ф. Зуппе, так было и со Штраусом, помимо «Ночи в Венеции», написавшим оперетту «Карнавал в Риме». Композиторы Вены широко вводили в свои произведения, наряду с венским вальсом и танцевальными формами Австрии, также и песенно-танцевальные формы Венгрии, соседних славянских народов и итальянцев.

В «Ночи в Венеции» итальянский колорит сливается с венским вальсом. Это сочетание создает на редкость привлекательную особенность произведения, где в финале первого акта словно поет южная весенняя ночь, пропитанная ароматом

моря, где торжественно возглашается романтика чувств, где царит любовная тайна, не боящаяся преград. Вальс «Лагуны», проходящая лейтмотивом песня гондольера, народные танцы, нарядные карнавальные сцены, дуэты и ансамбли, исполненные жаркого чувства или кокетливой любовной игры. — все это сплетает «Вену» с «Венцией». В подобном слове — основа музыкальной драматургии оперетты Штрауса.

Либретто ныне несколько изменилось (авторы нового текста Маргит Кашпар и Карой Криштоф). Оно сохранило прежнюю вязь прихотливой фавулы. Но буффонные черты событий усилены, любовная игра и путаница приобрели большую, чем прежде, выпуклость. Не все в новом тексте кажется мне улучшением старого (в частности, думается, излишней и навязчивой является тема лотереи, права на которую добивается предпримчивый сенатор Делаква). Но многое здесь исправляет недостаток пьесы Цеалы и Жене, из-за которых «Ночь в Венеции» страдала в сценических воплощениях.

Старый муж сенатор Делаква, заслуженно надевающийся в конце спектакля «венес» рогоносца, его молодая, влюбленная в другого жена, ее подруга — рыбка Аннина, ее служанка Чиболетта, искатель приключений — герцог, цирюльник Карамелло, макаронщик Паппакода — все эти персонажи втянуты в суматоху и неразбериху карнавальных приключений. В основе их — любовь и ревность, по-разному оборачивающаяся для каждого из них.

Веселые похождения в карнавальную ночь — так может быть определена сущность спектакля, поставленного режиссером Иштваном Казаном и художником Иштваном Кёпеци Боц. Изящное оформление не ставит перед собой прямой задачи воскрешения облика Венеции — образ города проходит перед нами как бы намеком, на далеком фоне. Задача скорее заключена в том, чтобы ввести нас в мир шток и розыгрышей, где все основано на игре, мистификациях и «чудесах». Поэтому во втором акте мы проникаем в «волшебную» комнату дворца герцога, где вспыхивают сами по себе бенгальские огни, светятся стены, сами собой открываются и захлопываются невидимые двери. Здесь интрига сводит всех героев — и путаницы чувств и событий получают высшее выражение.

Спектакль динамичен, по-июному темпераментен. В нем теат-

ральные условности (например, введение комментатора-переводчика, появление танцовщиц как сопровождающих лиц) значат больше, чем цель показать достоверную Венецию, живой народ на рынке или на карнавале. Основной акцент — на главных персонажах. Интрига вьется непрерывно, ей, кажется, нет конца. Жесты меняют свои обличья и имена. Рыбка выдает себя за супругу сенатора, а в то же время под видом сенаторской жены появляется служанка. Обманут не только старый сенатор (который сам не прочь поволочиться за хорошенькими девушками, появляющимися в «волшебной» комнате), от пени мистификаций идут голы кругом и у влюбленного в рыбку цирюльника, и у жениха служанки — макаронщика. А более всех обманут герцог, рассчитывавший на легкую победу над Барбарой. Мужчины затеяли интригу — женщины разыграли ее. И, конечно, в свою пользу. Так случается всегда.

В остром ритме движется спектакль, в котором одно сценическое положение сменяется другим, а вязь быстрых и напористых диалогов прерывается музыкальными сценами, где декларируются подлинные и мнимые чувства.

Сенатора Делаква играет замечательный мастер оперетты Камил Фелеки, наш давний знакомец. Новая встреча с ним — истинная радость. Фелеки демонстрирует классическое искусство опереточной буффонады, отмеченное не только чувством смешного, но и той художественной мерой, которая присуща подлинному артисту. Его Делаква и условен, и вполне достоверен. Актер верит в «предлагаемые

обстоятельства» — он не «играет буффонаду», а живет в ней, исходя из заданного характера своего героя. В этом и состоит трудное «легкое» искусство оперетты.

Вокруг него — молодые персонажи. Своеобразный Фигаро «Ночи в Венеции» — цирюльник Карамелло (Дюла Освальд), очень убедительный, по-народному характерный макаронщик с рынка (Ласло Хадич), темпераментная, тоже из гуши народа вышедшая рыбка (Юдит Галлаи), сметливая, напористая служанка (Аня Зентаи), неустрашимая в своей любовной интриге Барбара (Илона Киш) — все они создают тот клубок противоречивых, несхожих характеров, которые в веселых столкновениях и рождают атмосферу карнавальной ночи.

Дирижер Томаш Броди тактично и уверенно ведет музыкальную линию спектакля. Но подчас увлечение режиссуры игровыми положениями уводит в тень прекрасную музыку Штрауса. Это, в частности, почувствовалось в финале первого акта, где хотелось бы ощутить больше поэзии и романтики, чтобы все отступило на второй план перед роскошной партитурой, в которой раскрывается образ венецианской ночи.

НОВАЯ встреча для нас очень интересна. Нам есть что посмотреть и послушать, нам есть чему поучиться у венгерских друзей: они сыграли и спели Штрауса в лучших традициях опереточного жанра.

М. ЯНКОВСКИЙ

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Ночь в Венеции». Фото З. БАЙЦУРОВОЙ (ЛентАСС)

